

RU

Православие как фактор формирования самосознания русского народа в трудах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве: источниковедческие аспекты

Усачева Ю. С.

Аннотация. Цель исследования – определение того, насколько глубоко и всесторонне в трудах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве рассматривается православие как ключевой фактор формирования самосознания русского народа и до какой степени эти труды могут служить историческим источником по теме не только менталитета русского народа и различных факторов его формирования, но и интеллектуальной истории России первой половины XX в. В статье были отобраны те работы Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, где они размышляют о православии и вере в целом как одной из основ формирования самоидентификации русской нации. В результате анализа отобранных в качестве источников для изучения православия как фактора формирования менталитета русского народа трудов мыслителей выявляются такие черты характера русского человека, как смирение, непротивление, стремление к поклонению и благоговению, святость, максимализм, готовность к страданиям и лишениям, вера в государство и в царя, который является исполнителем воли Бога на земле, вера в избранность своего народа. Также определяются сходства и различия во взглядах обозначенных мыслителей на изучаемые вопросы: контрастное отношение к католицизму и его соотношению с православием, дифференциация понятий «православие» и «вера», полемика вокруг «источников веры», «мессианской идеи» и ее роли в судьбе русской нации. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые православие рассматривается как фактор формирования самосознания русского народа в сравнительной интерпретации Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, а также впервые производится отбор источников по этой теме в их наследии и проводится комплексный источниковедческий анализ их трудов, который доказывает, что эти работы являются историческими источниками по заявленной теме, а также материалами по интеллектуальной истории России первой половины XX в.

EN

Orthodoxy as a factor in shaping the self-consciousness of the Russian people in the works of N. A. Berdyaev, I. A. Ilyin, and P. B. Struve: source-critical aspects

I. S. Usacheva

Abstract. The purpose of the study is to determine how deeply and comprehensively Orthodoxy is examined in the works of N. A. Berdyaev, I. A. Ilyin, and P. B. Struve as a key factor in shaping the self-consciousness of the Russian people, and to what extent these works can serve as a historical source not only on the mentality of the Russian people and the various factors of its formation, but also on the intellectual history of Russia in the first half of the 20th century. The article selects those works by N. A. Berdyaev, I. A. Ilyin, and P. B. Struve in which they reflect on Orthodoxy and faith as a whole as one of the foundations of the self-identification of the Russian nation. An analysis of the thinkers' works selected as sources for studying Orthodoxy as a factor in shaping the mentality of the Russian people reveals such Russian character traits as humility, non-resistance, a desire for worship and reverence, holiness, maximalism, readiness for suffering and deprivation, belief in the state and the tsar as the executor of God's will on earth, and belief in the chosenness of their people. The paper also identifies the similarities and differences in the views of these thinkers on the issues under study, such as their contrasting attitudes toward Catholicism and its relationship with Orthodoxy, the differentiation between the concepts of "Orthodoxy" and "faith",

and the polemics surrounding the “sources of faith”, the “messianic idea”, and its role in the fate of the Russian nation. The scientific novelty of the study lies in the fact that, for the first time, Orthodoxy is examined as a factor in shaping the self-consciousness of the Russian people through a comparative interpretation of N. A. Berdyaev, I. A. Ilyin, and P. B. Struve. Additionally, it represents the first selection of sources on this topic from their heritage and provides a comprehensive source-critical analysis of their works, proving that these writings serve as historical sources on the stated topic as well as valuable materials on the intellectual history of Russia in the first half of the 20th century.

Введение

Проблемы национальной самоидентификации, менталитета и самосознания русского народа, православия как ключевого фактора формирования русской ментальности, а также вопросы национализма и патриотизма стали, безусловно, актуальными с конца 1980-х – начала 1990-х гг., выйдя как на арену общественных дискуссий, чаще всего на страницы периодических изданий, так и в поле научных дискуссий, на страницы научных изданий. В этот же период начинают массово публиковаться и переводиться на русский язык труды, где эти темы поднимаются представителями отечественной философской школы первой половины XX в., в первую очередь русской эмиграции, находившиеся в забвении в советский период. Этот же временной отрезок отмечается ростом интереса к религиозной жизни, она возвращается в повседневность россиян и также в научную жизнь как объект исследования. Не утрачивается актуальность проблем самосознания и сегодня, в новый этап как социоэтнических и этнокультурных изменений, так и геополитических, а также значительного внешнеполитического идеологического давления на российское общество. На протяжении всех этапов труды русских мыслителей первой половины XX в. становятся опорными точками для дальнейших размышлений над проблемами путей развития русского народа, его опор, прежде всего духовных.

Пласт первых историографических работ по вопросам самоидентификации русского народа приходится на современников – философов, политологов, богословов – и выпадает на первую половину XX в., имея более полемический или мемуарный характер (Даватц, 1934; Лампе фон, 2004; Луппол, 1994; Рыбинский, 2004; Трубецкой, 1994; Федотов, 1994; Франк, 1956). Дальше изучение продолжается в эмигрантской среде и зарубежных исследованиях, которые переводятся, издаются для русскоязычных читателей в 1990-е гг. (Берлин, 1994; Полторацкий, 1981; Пайпс, 2001). Особняком стоит советская историография, где вопросы менталитета русского народа преподносились преимущественно с позиций пролетарского интернационализма и советского патриотизма (Карякин, 1962). С распадом СССР на развитие как общественной, так и научной дискуссии существенное влияние оказали внутри- и внешнеполитические события: в конце 1980-х – начале 1990-х гг. – распад СССР, парад суверенитетов, рост националистических движений; в 1990-е – начале 2000-х гг. – реакция на трудовую миграцию из стран СНГ, «бытовой» национализм, развитие националистических движений и борьба с ними; в последние десятилетия – включение национального вопроса в программы политических партий, присоединение новых территорий, факты откровенной фальсификации русской истории, в том числе образования и территориального определения наций. Поэтому в прошедшие три десятилетия поднимаются такие темы, как соотношение процесса глобализации, национального государства и нации как таковой, подробно рассматриваются понятия «национальное самосознание», «национальная культура», «внутринациональная жизнь», «национальная идентичность», «национализм», «патриотизм», конечно, продолжают поиски национальной идеи или «русской идеи», идет анализ и поиск генетического и культурного кода нации. Важный аспект исследования этих тем и источников их изучения (трудов русских мыслителей первой половины XX в.) состоит в том, что они разрабатывались, в первую очередь, философами, политологами, журналистами, а в самой наименьшей степени – историками (Ананьев, 2006; Беспалова, 2015; Буйло, 2020; Верещагин, 2015; Волгогонова, 2001; Волобуев, Шелохаев, 1997; Гнатюк, 1998; Гулыга, 2006; Евлампиев, 2022; Жуков, 1997; Жукова, 2022; Закунов, 2015; Колеров, 2020; Сысуев, 2015; Щербаковский, 2014). Более того, само наследие не становилось объектом источниковедческого анализа, не преподносилось как источник изучения проблем самоидентификации русского народа.

Необходимо отдельно остановиться на выборе имен мыслителей в данном исследовании – Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве – как авторов трудов, где православие рассматривается как фактор формирования самосознания русского народа. В первую очередь, он был обусловлен масштабом их личностей и богатым наследием, в том числе по проблемам самоидентификации русской нации, патриотизма и национализма. Далее, их жизненный путь, судьбы эмигрантов и творчество охватывают достаточно длительный период времени, что позволяет на основании работ разных лет проследить их воззрения на интересующие вопросы. Важным оказывается и то обстоятельство, что Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и П. Б. Струве представляли различные философские направления, политические течения и имели разное личностное отношение к православию и религии. При всем этом они постоянно взаимодействовали друг с другом, в том числе и по изучаемым темам.

Задачами данного исследования стали:

- выявление трудов Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, где в различной степени и различном контексте представлен анализ православия как фактора формирования самосознания русского народа;
- проведение комплексного источниковедческого анализа определенных работ рассматриваемых мыслителей, в том числе с точки зрения создания и бытования источников;

- изучение особенностей постановки обозначенной проблемы каждым из авторов, а также выявление при этом точек соприкосновения и различия в их взглядах.

В основу исследования легли принципы историзма, научной объективности, системности. В рамках исследования проблем самосознания русского народа и православия как фактора его формирования использовался и историко-сравнительный метод, который позволил выявить сходства и различия во взглядах Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. Б. Струве как на проблему в целом, так и на ее отдельные категории.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, сделанные рассматриваемыми мыслителями, могут использоваться для более глубокого понимания как менталитета русского народа, так и значения православия в его формировании, что может улучшить взаимопонимание между разными нациями, способствовать разрешению как межэтнических конфликтов, так и межконфессиональных. Анализ их наследия может стать источником для разработки концепции развития России. Это исследование может быть использовано в рамках изучения курсов по истории России XX в., истории философии XX в., эмигрантики, источниковедения истории России.

Обсуждение и результаты

Среди проблем, которые находились в фокусе внимания представителей отечественной философской школы первой половины XX века, были вопросы самосознания и менталитета русского народа, самоидентификации. Большое значение в формировании этого направления мысли сыграли события 1917 года, когда рушились основы огромной многонациональной империи и началось новое национальное строительство. И тогда многие представители интеллигенции стали задаваться вопросами, почему Россию постигла такая участь, что послужило причиной большевистского переворота, почему огромные массы народа пошли за большевиками. Истоки этого общенационального кризиса начали искать в прошлом русского народа, в чертах его характера, его самосознании. Другим важным фактором стало то, что ряд крупных историков, философов, филологов и других представителей русской интеллигенции вынужден был покинуть пределы своего Отечества. Оказавшись в другой стране, они начали заново определять границы самосознания русского человека, русского национального характера для того, чтобы сохранить связь с родиной. Более того, все их размышления сводились только к одному – к возвращению в Россию, – поэтому всю свою писательскую и организационную деятельность в эмиграции отечественные мыслители считали служением России. Так, например, пишет об этом И. А. Ильин: «И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь сбережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу *только для России*» (1993b, с. 365).

Многие отечественные философы, историки и мыслители размышляли над проблемами самосознания русского народа: Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Д. С. Мережковский, И. А. Ильин, В. В. Розанов, Ф. А. Степун, П. Б. Струве, С. Л. Франк. Исследуя особенности самоидентификации русского народа, философы анализировали весьма широкий круг вопросов: проблемы национализма и патриотизма, вероисповедания, в первую очередь православие и его соотношение с католицизмом, пути русской и всемирной истории, фактор географии и значение климата. В рамках решения этих проблем значительным направлением для всех без исключения становился вопрос православия и его ключевой роли в формировании менталитета русского народа.

Предметом изучения проблем самосознания русского народа и православия как ключевого фактора его формирования в данном исследовании были избраны те труды Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, где наиболее полно обнаруживается всесторонняя постановка этих проблем. При характеристике источниковой базы речь идет о фундаментальных трудах, как научных, так и историософских, и публицистике, политической и философской (Бердяев, 2004a; 2004b; 2004c; Ильин, 1993a; 1993b; 1998; 1996a; 1996b; 1997; Струве, 2000a; 2000b; 1999a; 1999b; 1952), которые представлены опубликованными в разные годы работами; в статье будут рассмотрены источниковедческие аспекты проблематики.

Вопрос роли и значения православия в формировании национального характера русского народа Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и П. Б. Струве решали неоднозначно. Одно из направлений, к которому они подходят по-разному, – это проблема «источника веры». «Истоки» и «суть» русского православия, как считает Н. А. Бердяев, необходимо искать в самом русском народе. В работе «Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности» (философ написал статьи, которые вошли в этот сборник, еще до Революции 1917 года, опубликованы же они были в 1918 году) он декларирует, что для России характерно то, что православие – это «не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли» (Бердяев, 2004b, с. 279). «Мать-земля» для русского народа – это Россия, и религия земли очень сильна в русском народе, потому что земля – это «последняя заступница». Поэтому Богородица, пишет мыслитель, идет всегда впереди Троицы. С мыслью о том, что народ чувствовал большую близость «Богородицы-Заступницы», чем Христа, не соглашается Ильин. Он видел принадлежность народа именно к Иисусу Христу. Корень разногласия философов лежит, как представляется, в том, что, по мнению Н. А. Бердяева, в русском народе над мужским началом превалирует женское, поэтому русское православие – это абсолютно женственная религия; И. А. Ильин не выявляет среди этих двух начал главенствующее – он настаивает на том, что русскому народу необходимо наверстать недостаток мужского начала из своих собственных ресурсов. Продолжая логику мысли Бердяева, важно отметить, что религиозность русского народа, в силу своей женственности, должна опираться на мужское начало, которое могло бы руководить, направлять, духовно водить, но она нашла свое отражение в смирении, молитвах, поклонении иконам, святым образам. Философ указывает, что народ не столько

хочет святости, сколько «жаждет преклонения и благоговения» перед святостью (Бердяев, 2004b, с. 292). В силу той же женственности, а также «религиозной лени», покорность и смирение даются ему легче. По мысли Н. А. Бердяева, «противоречие и противоборство духовной сытости и духовного голода – основное для России» (2004b, с. 292), потому что «духовная сытость» происходит из женственности, присущей России, а «духовный голод» происходит из освобождения мужественного начала России. И от этого идут, отмечает философ, с одной стороны, охранение старого и бытового и внешне обрядовое понимание христианства («духовная сытость»), с другой стороны, пророческие предчувствия, мистическая углубленность, странничество («духовный голод»). Русский мессианиззм, русская мистика, наконец, раскольниковство связаны именно с «духовным голодом». Из русского православия, из смирения, из благоговения восходит русский идеал, которым является святость, – так пишет Н. А. Бердяев. Он цитирует К. Н. Леонтьева, который писал, что «русский человек может быть святым, но не может быть честным» (Бердяев, 2004b, с. 269). Объясняет Бердяев это тем, что русское православие никогда не ставило своей основной задачей нравственное воспитание, все, что оно требовало от человека, – это смирение (в этом утверждении сходятся Бердяев и Ильин). Интересно отметить то, что русский человек может быть абсолютно аморальным, лгуном, обманщиком и даже преступником, но искренне верить в Бога, молиться святым и искать у них спасения. Бердяев задается вопросом о том, в чем же тогда святость, если русский народ не идет путями святости, но поклоняется святым, и сам дает следующий ответ: «Русь совсем не свята и не почитает для себя обязательно сделаться святой и осуществить идеал святости; она – свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни...» (2004b, с. 336).

И. А. Ильин в статье «Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления» пишет об источниках русского православия, что оно было и есть «христианством греческо-византийского происхождения в славянско-русской чеканке» (1996b, с. 415). Но интересно, что он определяет православие, как маяк: «Эту веру я считаю главной и определяющей на судьбоносных путях русского народа; и не потому, что она предпочтительнее для политического устройства государства, а, скорее, потому, что она фактически была, что духовно руководила народом в течение столетий, определяя его культурные деяния, закладывая тем самым основания его культуры в прошлом для будущего» (Ильин, 1996b, с. 415). В основу вышеупомянутой работы Ильина лег одноименный цикл лекций, которые он прочитал в 1941–1944 гг. в Швейцарии на немецком языке. Первое издание книги «Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления» (*“Wessen und Eigenart der russischen Kultur. Drei Betrachtungen”*) датировано 1942 г., второе – 1944 г. На русском языке этот труд был впервые напечатан только в 1993 г. в России.

И. А. Ильин считает, что русский народ, русский человек пропускает все через сердце и душу, многое он не понимает, а именно чувствует, поэтому мыслитель делает вывод о том, что источник православной веры в России – это «созерцающее сердце». И в этом свойстве русского характера можно найти ключевое отличие православной веры от католической: главное для православного человека – сердечное движение, созерцающая любовь; у католика вера зависит от ума, от движения рассудка – «доверится такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая вопрос добра и зла, греха и его допустимости» (Ильин, 1993a, с. 390). Потому русская душа обратила свой взор к православию, а не к вере Рима, которая, как констатирует в 1950 г. Ильин в статье «О православии и католичестве III», не отвечала ни нашему духу, ни нашему характеру, а католицизм всегда был чужд русскому мягкому и открытому сердцу и доброй русской совести. Иначе считал П. Б. Струве, который «пошел против риторики своей русской религиозно-общественной среды, выступив “адвокатом” католицизма» (Колеров, 2020, с. 250), имея абсолютно логический расчёт: сделать Францию и Польшу союзниками России, военными и политическими соответственно, в годы Первой Мировой войны и после нее. Вера в практическом смысле может и должна работать на помощь государству.

Как и И. А. Ильин, католицизм и православие разделяет Н. А. Бердяев. В качестве примера противоположности и несовместимости данных религий он приводит сравнение русских и поляков. Мыслитель отмечает, что все конфликты между двумя народами возникали не только по поводу земли, но и из-за «разных чувств жизни» (Бердяев, 2004b, с. 409), из-за распри между душой православной и душой католической. Мыслитель оригинально формулирует различие между душой католической и православной: «Польская душа вытягивается вверх. Это католический духовный тип. Русская душа расплывается перед Богом. Это православный духовный тип» (Бердяев, 2004b, с. 412). В 1948 г. в «Русской идее», в обзорной итоговой работе развития русской мысли в России, Н. А. Бердяев, соглашаясь с И. А. Ильиным, определяет подобное отношение к религии крайне резко – «понимание христианства было рабье» (Бердяев, 2004a, с. 20). Бердяев разбирает также такое понятие, как «церковный национализм», который так присущ Русской Православной церкви, по мнению Бердяева. Философ пишет, что Россия – это страна, «почитающая себя единственной призванной и отвергающей всю Европу». Тогда у русского народа появилось стойкое убеждение, что Россия – избранная, уникальная, великая и призванная перед Богом страна. «“Русское” и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия – “святая Русь”» (Бердяев, 2004b, с. 279).

И. А. Ильин отмечает максимализм в отношении своей веры русского человека, который «по-детски благоговейно и серьезно воспринимает христианскую максиму в догмате» (Ильин, 1996b, с. 427), ежедневно наполняет православным настроением и созерцанием все стороны своей жизни. Русская душа тянется к Божественному в земной жизни, человек готов отдать себя для «осуществления богочеловеческого» в нем самом. И здесь проявляется дух христианского максимализма и героизма, одним из примеров которого является смирение.

Смирение занимает значительное место в размышлениях И. А. Ильина о русском православии. Как пишет философ, «верующий русский народ является по-настоящему глубоко смиренным» (Ильин, 1996b, с. 430). И корни этого лежат в огромной пропасти между его недостатками и тем святым идеалом, к которому он может и должен стремиться, – это смогла показать русскому человеку только и исключительно русская православная церковь. На это наложились любовь, вера и религиозный максимализм. Стремление души к совершенству дошло до предела, и основным проявлением его стало смирение: «Все, чего мне не достает для совершенства, есть мой недостаток, мой грех, мой изъян, ибо мне все дано: свободная воля, Божественное Откровение, Божья Благодать, сила молитвы, таинство, церковное покровительство, очищение исповедью, Святое Причастие...» (Ильин, 1996b, с. 430). И здесь, как делает вывод Ильин, происходит следующее: человек не идеален, он греховен и поэтому все трудности, горести, все беды и страдания, которые ему милостиво посылает Бог, ему следует смиренно принимать и терпеть. Более того, в этих испытаниях он может найти путь к свету, очищению и вселенской радости: «Мне несовершенному, жестокосердному грешнику, Бог не должен ничего, а я обязан ему всем» (Ильин, 1996b, с. 427). В том числе в этой святой уверенности, в этом смирении скрыт источник главных добродетелей русского народа – выносливость, жертвенность и терпение. Философ приводит интересное наблюдение: русский человек в молитвах называет себя «рабом Божиим». Слово же «раб» произведено от слова «работать», то есть он – раб Бога, труженик, его верный слуга.

Важной чертой русского православного человека, по мнению И. А. Ильина, является принятие страданий. Дело в том, что русский человек уверен, что каждое страдание ему говорит о некой воле Бога, в нем есть великий смысл, не бывает напрасных страданий: Христос пострадал на земле ради нас, значит, страдая, человек вступает на путь Христа и приближается к «осуществлению богочеловеческого» в человеке.

Существенное значение для понимания православной веры в жизни русского народа имеет обращение Ильина к так называемым «простецам по природе» как примеру страдания и смирения в интерпретации русского верующего человека. В статье «Свобода духа в России. Простецы по природе и юродивые во Христе» (изначально это лекция “Die Geistesfreiheit in Russland. Die simplen von Natur und die Einfstigen in Cristo”, прочитанная в Цюрихе в 1943 г., переведена на русский и издана в России впервые в 1997 году) мыслитель подробно разбирает, что в русском языке существуют три понятия для определения таких людей: убогий, юродивый, блаженный. Юродивый – «в сущности означает не так уродившийся, незадавшийся, своеобразный, простоватый, придурковатый. Этот термин касается не столько телесных атрибутов или физических данных человека, сколько его душевных способностей и его духовных установок» (Ильин, 1997, с. 84). Юродивые, как видит И. А. Ильину, воплощают в себе устремление каждого верующего русского человека ко внесению во все сферы жизни религиозного настроения и созерцания, к отрешению от мира, к посвящению себя одному великому Божьему замыслу, стремление воплощения богочеловеческого на земле. К юродивым во Христе в России было особенное отношение, их почитали почти как святых, потому что русскому народу «присуща изначально (и не утрачена в ходе веков) благочестивая жажда непосредственного соприкосновения с божественною ризою мира» (Ильин, 1997, с. 90).

Продолжая тему религиозного максимализма и героизма в религии, И. А. Ильин отмечает крайность, без которой «жизнь кажется русскому пустой, блеклой, мертвой» (Ильин, 1996b, с. 442). Русский человек всегда ищет то, во что он будет не просто верить, а то, чему он отдаст всего себя, весь свой темперамент, всю свою любовь. Русский, как утверждает философ, «жаждет очевидности» и чтобы достичь ее, становится радикальным. И только природная доброта и любовь к свободе, поддерживаемые восточно-православной традицией, предохранили русский народ и Россию от инквизиций и религиозных войн.

И. А. Ильин подчеркивает и другую черту русского православного человека – абсолютную веру в бессмертие души – как еще один пример религиозного максимализма и героизма. Ведь окончание земного пути, смерть, является не карой Бога, не горьким финалом всех трудностей и болезней, это вера в счастливую встречу с Богом. И в этом Ильин провозглашает источник русского героизма, основу доблестной русской армии: на лице тяжело больного или раненого воина на поле боя не увидеть страха, боли, терзаний, лишь одно тревожит его – отпущение грехов и чистота тела.

Русский народ – это веротерпимый народ, решительно декларирует Ильин. Источник этого мыслитель видит в том, что православие утвердило веру русского народа (хотя и сам русский народ по природе своей не мог принять иное толкование веры) как веру, основанную на свободе, любви и искренности, связав их воедино. Русское православие, по мнению Ильина, «должно чтить и охранять свободу веры – и своей, и чужой» (1993a, с. 428). Религиозная толерантность была обусловлена присущей русскому народу любовью к свободе и стойкостью православной веры. Мыслитель подробно разбирает этот вопрос в цикле статей «О Русской идее» из сборника «Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.». Важно остановиться на истории создания и издания данного сборника статей как итогового сборника духовных и идейных изысканий мыслителя. В 1927-1930 гг. И. А. Ильин редактировал и одновременно издавал журнал «Русский колокол» в Берлине. Но свет увидело только 9 номеров, и из-за отсутствия финансирования выпуски были прекращены. В 1940-1941 гг. уже в Женеве Ильин вернулся к издательской работе, так появились «Заочные чтения», которые под общим названием «О грядущей России» печатались небольшим объемом и рассылались деятелям русской эмиграции строго по списку, который подготовил сам Ильин. Несмотря на то, что план издателя содержал 31 тему, было напечатано лишь 9 номеров. В 1948-1954 гг. мыслитель начал издавать «Наши задачи», которые являлись в том числе периодическими информационными листками «Русского Обще-Воинского Союза» (РОВС) и также рассылались узкому кругу адресатов, анонимно (швейцарское законодательство строго запрещало эмигрантам вести политическую деятельность) и ограниченным тиражом. Полноценным двухтомным изданием все 215 выпусков бюллетеней вышли после смерти философа, в 1956 г., в Париже. Впервые в России сборник в двух книгах увидел свет в 1993 г.

Иначе трактовал роль православия П. Б. Струве, делая акцент на связи государства и религии. Он прямо пишет в статье «О государстве» (статья вышла в 1908 г. в журнале «Русская мысль» под названием «Отрывки о государстве и нации»), что «к государству и национальности прикрепляется неискоренимая религиозная потребность человека» (Струве, 2000а, с. 56). В своем объемном труде по истории России (ниже подробно остановимся на истории его создания и издания) мыслитель утверждает, что русское православие определило и отношение к государству, потому что «верхушку оно приучало чувствовать себя и вести себя как власть. Массы оно приучало не только сносить, но и почитать эту власть» (Струве, 1952, с. 29). В России, отмечает философ в статье 1922 г., не было Реформации, то есть «секуляризации христианской морали, ее превращения в дисциплину и методику ежедневной жизни, если угодно ее “обуржуазение”» (Струве, 1999b, с. 344). С православной верой сложился иной сценарий: религия, несмотря на колоссальную роль и значение веры в жизни русского народа, как основополагающее, организующее начало в обыденную жизнь так и не вошла. По мнению Струве, это обстоятельство является одним из самых многозначительных факторов русской истории и самосознания русского народа.

Обращение к истории России, особенно в наследии П. Б. Струве, имеет ключевое значение для понимания мыслителями основных черт самосознания русского народа, роли и значения православия в многовековом пути русского народа. В 1952 г. в Париже посмертно (Струве ушел из жизни в 1944 г.) публикуется объемное исследование «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности: посмертно публикуемый, труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П. Б. Струве». Как отмечается в предисловии к изданию, намерение «пересмотреть» русскую историю появилось у мыслителя в период Революции и Гражданской войны. Именно в историческом развитии русского народа он хотел найти причины роковых, по его мнению, событий 1917 и последующих годов. Первым практическим шагом к такому осмыслению становится публичная лекция в 1919 г. в Ростове-на-Дону «Новая жизнь и старая мощь (Исторический смысл русской революции)». Затем Струве вознамерился написать работу под названием «Философия русской истории», но этот замысел так и остался неосуществленным. В 1927 г. философ в процессе работы культурно-патриотического клуба «Лекции по России» получил предложение прочитать курс лекций по экономической истории России. Он начал готовить к изданию в Париже в возобновленном журнале «Русская мысль» материалы этих лекций под названием «Введение в экономическую историю России, в связи с ее общим культурным развитием и сравнительно с развитием западных стран». Но работа осталась не напечатанной в связи с тем, что издание журнала прекратилось на первой же книжке. В 1928-1941 гг. П. Б. Струве углубился в преподавательскую деятельность и читал курс лекций в Русском Научном Институте. В последний семестр, 1940-1941 гг., когда повествование дошло до начала XX века, Струве, перерабатывая огромное количество литературы и источников, вышел за рамки экономической истории: «Тут развертывалась по новому освещаемая грандиозная картина русской истории, далеко, конечно, выходящая за пределы “экономического”» (1952, с. VIII). В течение этой большой преподавательской и исследовательской работы он пришел в 1937-1938 гг. к тому, что нужно систематизировать многолетний труд в двух направлениях: в разрезе экономической и социальной истории России и всемирной истории экономического мышления. В 1938 г. в Белграде Струве написал введение и первые семь глав «Истории России», которые должны были выйти в Париже, но этому помешала начавшаяся Вторая Мировая война. Это обстоятельство он воспринял как возможность доработать свой труд. Летом 1942 г. Струве, по освобождению из немецкой тюрьмы, получил разрешение на переезд в Париж, но строго без своих рукописей. По счастливому стечению обстоятельств в Париже его уже ждала рукопись, созданная в Белграде. И Струве заново, не имея доступа к своим записям, кропотливо восстанавливал свой труд. До 1944 г. он успел написать еще несколько глав, которые также вошли в единственное издание. Сыновья П. Б. Струве предприняли колоссальную работу по изданию всех написанных отцом материалов, публикации их в том максимально приближенном к оригиналу виде (с расстановкой примечаний и даже тех ремарок, что П. Б. Струве делал лично для себя – для максимального погружения в задумку автора). Значение этого многолетнего итогового труда сложно переоценить: это не только серьезное и профессиональное историческое исследование по экономической и социальной истории России, это размышление о тех путях, по которым Россия и русский народ пришли к Революции и Гражданской войне, это итоговое заключение о судьбе русского народа, о формировании его самосознания, его культурного кода. В контексте разбираемого здесь вопроса стоит привести еще одно наблюдение П. Б. Струве о православии, сформулированное в этой работе: именно благодаря ему русский народ навсегда получил «подлинное и притом внутреннее приобщение к высшей культуре» (1952, с. 29).

Подчеркивая значительную связь религии и государства, Струве пишет, что монархия, где Бог – единый царь, исторически сложилась в умах и сердцах русских людей: «...укорененное в вековых преданиях или традициях народа Государство Российское в его исторической форме – свободно принятой народом наследственной монархии» (Струве, 2000b, с. 310); «крушение монархии для русских означало крушение и самой России» (Струве, 1999а, с. 262).

П. Б. Струве в своих работах методично констатирует, что достижение пика государственной силы можно только одним способом, когда государство объединится с религией и нацией. Обращаясь к разным историческим периодам, делает он вывод, русский народ укреплял национальность только христианским культом и национальной культурой. Закономерно, что государство, по Струве, «является квинтэссенцией, энергетическим стержнем национального духа и национальной культуры» (Жуков, 1997, с. 8). Вне осуществления национальной идеи не может быть истинного могущества государства. Есть две силы, по мнению Струве,

которые способны полностью изменить судьбу народа, в первую очередь русского народа, – нации и государства. Этот тезис разделяет и Н. А. Бердяев, констатируя, что нации по своей природе нацелены на государственное строительство, потому что это единственный способ реализовать свои природные силы и возможности.

С православием связана и идея народа-богоносца, или мессианская идея русского народа. П. Б. Струве лишь вскользь упоминает мессианизм как одну из черт русского православия, но нигде ее не характеризует, не высказывает своего отношения. Н. А. Бердяев и И. А. Ильин, напротив, достаточно подробно развивают эту тему.

Бердяев считает, что мессианизм является существенной характеристикой как русского народа, так и русского православия. Эта черта, несмотря на множество различий, сближает два народа – русский и еврейский. Правда, подчеркивает он, нужно проводить четкий водораздел между мессианским сознанием христиан и евреев. Далее следует осознать, что «мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это универсальное сознание» (Бердяев, 2004b, с. 288). Мессианизм, считает философ, появляется, когда «национальное сознание переходит все пределы» (Бердяев, 2004с, с. 563). Очевидно, по мнению Бердяева, что в мире, где чудо явления сына Бога уже осуществилось, наступило время для новой формы богоизбранного сознания – пророческого мессианизма, который через народ, несущий дар исключительного религиозного призвания, православной веры, принесет «слово нового откровения» (Бердяев, 2004b, с. 289). Но только русский народ, как идущий в арьергарде всех рас и как первый среди славян, может стать и должен стать Мессией для всего мира. Философ высказывался на тему чуждости идеи богоизбранности арийской нации. В работе «Философия неравенства» в 1918 г. (опубликована в 1923 г. в Берлине) Бердяев уточняет, что, несмотря на чуждость германцам русского мессианского сознания, у них все же есть свой мессианизм, «не столько религиозный, сколько расовый и духовно-культурный» (Бердяев, 2004с, с. 565).

И. А. Ильин иначе смотрит на вопрос мессианства и его роли в формировании самосознания русского народа: он категорически отрицает мессианскую идею как идею, в корне расходящуюся с идеей православия. Он декларирует, что мессианство не просто не характерно для России, а что это искусственная и чуждая идея, которая никогда не сможет прижиться на русской почве и пустить здесь корни. Он называет ее «мессианской манией величия». И. А. Ильин, размышляя об источниках этой идеи в работе «О России. Три речи (1926-1933)», выводит следующую цепочку событий: русский народ не смог справиться со смирением и решил, что «мы перед Западом – ничто»; позже он не справился с тяжелым для него бременем «самоглотания и самоуничтожения, а затем просто вознаградил себя мечтанием о том, что “мы – народ-богоносец”, что “мы – соль вселенной”...» (1996а, с. 12). Поэтому философ предупреждает об опасности этого пути и видит только один путь спасения, одну верную дорогу для русского человека – обращение к своей вере, к православию, углубление своей самобытности, своей национальной культуры. В связи с культурой, глубокой верой в ее потенциал для спасения, и появилась на свет работа «О России. Три речи (1926-1933)»: впервые она была издана в виде брошюры в 1934 г. в Софии в издательстве «За Россию» (издание «Национально-трудового союза нового поколения»). Как и следует из названия, этот труд состоит из трех речей, которые мыслитель произнес в Берлине в 1926 и 1927 г. по случаю Дня русской культуры, который был приурочен к дате рождения А. С. Пушкина. Пользуясь большой популярностью, эти выступления продолжались вплоть до 1933 г. К наследию великого русского поэта и писателя мыслитель много раз обращался именно в контексте средоточия русской национальной идеи. Впервые в России работа вышла в свет в 1996 г.

Проблема православия в формировании характера русского народа является одной из самых острых и интересных, наряду с проблемами национализма и патриотизма, поэтому ни один из философов и мыслителей так и не дал однозначного решения этих вопросов. И причина здесь одна – религия и национальность являются слишком личными и интимными темами, чтобы получать решение, приемлемое для всех. Следует еще очертить исключительно важное различие между понятием «вера» и «православие». Дело в том, что православие для русского народа стало больше, чем религия, чем вера, например, католическая. Так И. А. Ильин и Н. А. Бердяев полагают основой русского национального характера веру, а православие видят определяющим фактором его формирования. П. Б. Струве же, выявляя ряд существенных черт, привнесенных православием в характер русского народа, не считает, что вера – решающий фактор. Православие сформировало такие черты русского человека, как смирение, стремление к поклонению и благоговению, святость, максимализм, готовность к страданиям и лишениям, веру в государство, а главное – в царя, который является исполнителем воли Бога на земле, веру в избранность своего народа.

Говоря об источниковедческом аспекте, нужно отметить, что работы этих философов создавались на протяжении всей их жизни, на них влияли самые разнообразные события – общеисторические и личные; они не одинаково полно отображают проблемы самосознания русского народа и православия как ключевого фактора его формирования, обладают разным уровнем научности и публицистичности. Различаются и стиль, и подходы к формулированию основных положений проблематики. Так, нужно отметить глубокий историософский подход Н. А. Бердяева; исключительную политизированность наследия И. А. Ильина; лаконичную академичность трудов П. Б. Струве.

Объединяющим началом размышлений мыслителей, как уже отмечалось, было то, что все они были направлены в сторону России и для России, а также то, что многие доводы они брали из разных и тоже весьма кризисных периодов истории России. Именно в такие времена православная вера становилась опорой для русского человека, для русского народа и помогала не терять главные столпы духовного стояния.

Завершить обзор воззрений мыслителей на роль православия в формировании характера русского народа можно выдержкой из работы И. А. Ильина «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» (в ее основе лежит работа 1942 г. на немецком языке, которая в переводе на русский звучит как «Душа Востока в новом освещении. О книге Шубарта»), где говорится о тех чертах, которые присущи русскому человеку: «...живое желание нравственного совершенства, стремление внести во все начало любви, веру во второстепенность земного и в бессмертие личной души, открытую живую совесть, дар покаяния, искусство страдать и терпеть, неутолимый голод по религиозному осмыслению всей жизни и всего мира сверху донизу; и еще: непоколебимую уверенность в возможности и необходимости единения человека с Богом в этой жизни и в будущей, искание живых путей к этому единению и преодоление страха смерти через созерцание жизни и земной смерти Христа – Сына Божия» (Ильин, 1998, с. 400-401).

Заклучение

Подводя итоги, можно констатировать, что в ходе исследования впервые были выявлены те труды Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, где православие подробно рассматривается как ключевой фактор формирования самосознания русского народа. Эти работы были детально изучены, в том числе с точки зрения создания и бытования источников.

Отобранные в ходе исследования источники достаточно глубоко представляют взгляды Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве на различные черты характера русского человека, которые произросли из православной веры, в ней и укрепились, как например, смирение, непротивление, стремление к поклонению и благоговению, святость, максимализм, готовность к страданиям и лишениям, вера во власть, а главное – в царя, который является исполнителем воли Бога на земле, вера в особый путь своего народа. Мыслители много размышляют о сходствах и различиях православия и католичества, и если Бердяев и Ильин категорически противопоставляют эти вероисповедания как чуждые России, то Струве видит и положительные черты католицизма. И позиция Струве весьма понятна, потому что для него вера должна быть опорой государства, религия (православие не константа) вместе с нацией и рождает государственность. Главное для него, чтобы вера усиливала мощь страны. Бердяев и Ильин верят лишь в православие как ведущую силу русского народа и всей русской истории. Эфемерное для П. Б. Струве понятие мессианства, которое он практически не анализирует, занимает большое место в наследии Н. А. Бердяева и И. А. Ильина. Бердяев считает его весьма значимой категорией, которая характеризует русский народ и его историю, а Ильин, рассуждая на эту тему, строго отрицает это губительное для русского человека явление.

В целом, труды Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, отобранные в качестве источников по изучению проблем самосознания русского народа и православия как ключевого фактора его формирования, являются ценнейшим историческим материалом по интеллектуальной истории России первой половины XX в.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с двумя направлениями: первое, это продолжение изучения проблем самосознания русского народа в наследии Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве, но с привлечением нового круга исторических источников, в первую очередь неопубликованных материалов (письма, черновики статей); второе, это расширение круга лиц, представителей отечественной философской и политической мысли, которые занимались проблемами самосознания русского народа и православия как фактора его формирования, сравнение их воззрений с воззрениями Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и П. Б. Струве.

Материалы исследования | Research materials

1. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Русская идея / сост., вступ. ст. и примеч. М. А. Блюменкранца. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2004а.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности // Бердяев Н. А. Судьба России: сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М. – Харьков: Эксмо; Фолио, 2004б.
3. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Судьба России: сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. В. В. Шкоды. М. – Харьков: Эксмо; Фолио, 2004с.
4. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993а. Т. 2. Кн. I.
5. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1993б. Т. 2. Кн. II.
6. Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 7.
7. Ильин И. А. О России. Три речи (1926-1933) // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1996а. Т. 6. Кн. II.
8. Ильин И. А. Свобода духа в России. Простецы по природе и юродивые во Христе // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1997. Т. 6. Кн. III.
9. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 1996б. Т. 6. Кн. II.

10. Струве П. Б. О государстве // Струве П. Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина* / сост. и статья А. В. Хашковского. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000а.
11. Струве П. Б. Политические взгляды Пушкина // Струве П. Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина* / сост. и статья А. В. Хашковского. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000б.
12. Струве П. Б. Размышления о русской революции // Струве П. Б. *Избранные сочинения* / ред., сост. и предисл. М. А. Колерова. М.: РОССПЭН, 1999а.
13. Струве П. Б. *Россия* // Струве П. Б. *Избранные сочинения* / ред., сост. и предисл. М. А. Колерова. М.: РОССПЭН, 1999б.
14. Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности: посмертно публикуемый, труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П. Б. Струве. Париж, 1952.

Источники | References

1. Ананьев О. В. Петр Бернгардович Струве. СПб., 2006.
2. Берлин П. А. Русские мыслители и евреи. Вл. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, В. Розанов // Н. А. Бердяев: pro et contra: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 1994.
3. Беспалова Т. В. Проблема обретения истинного патриотизма в концепции И. А. Ильина // Культурологический журнал. 2015. № 4 (22).
4. Буйло Б. И. Национальная идея в философской и социально-политической мысли России // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-9-18>
5. Верещагин В. Ю. Православная культурология: опыт философско-антропологического обоснования И. А. Ильина // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3 (82).
6. Волкогонова О. Д. Н. А. Бердяев: интеллектуальная биография. М.: Изд-во МГУ, 2001.
7. Волобуев О. В., Шелохаев В. В. Национальные интересы России: исторический аспект // Вестник российского гуманитарного фонда. 1997. № 3.
8. Гнатюк О. Л. Струве как социальный мыслитель. СПб.: СПбГТУ, 1998.
9. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006.
10. Даватц В. Х. Правда о Струве: опыт одной биографии. Белград: Издательство Рыбинского, 1934.
11. Евлампиев И. И. Судьба русской монархии и русская революция в оценках И. А. Ильина и Н. А. Бердяева // Цивилизационные коды России (К 100-летию «Философского парохода»): материалы конференции, Санкт-Петербургский государственный университет, 17-18 ноября 2022 г. / отв. ред. Н. В. Кузнецов, А. Н. Сунами. СПб.: ООО «Сборка», 2022.
12. Жуков В. Н. Идеи консервативного либерализма П. Б. Струве // Струве П. Б. *PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм* / сост. В. Н. Жуков и А. П. Полякова. М.: Республика, 1997.
13. Жукова О. А. Дискурс о России и проблема общественного идеала в работах П. Б. Струве 1930-х гг. // История философии. 2022. Т. 27. № 1.
14. Закунов Ю. А. Метафизика русской идеи И. А. Ильина в контексте современного национально-государственного развития России // Культурологический журнал. 2015. № 4 (22).
15. Карякин Ю. Ф. О классовом смысле «внеклассовой религии» Н. А. Бердяева // Вопросы истории, религии и атеизма: сборник статей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. Т. 10.
16. Колеров М. А. Пётр Струве: революционер без масс, 1870-1918. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020.
17. Лампе А. фон. Иван Александрович Ильин: некролог // И. А. Ильин: Pro Et Contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 2004.
18. Луппол И. К. Бердяев // Н. А. Бердяев: pro et contra: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 1994.
19. Пайпс Р. Струве: [Биография]: в 2 т. М.: Московская школа политических исследований, 2001. Т. 2. Струве: правый либерал 1905-1944.
20. Полторацкий Н. П. П. Б. Струве как политический деятель. Канада: Заря, 1981.
21. Рыбинский Н. З. Духовный меч (Памяти И. А. Ильина) // И. А. Ильин: Pro Et Contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 2004.
22. Сысуев Д. А. Философское наследие И. А. Ильина и задача возрождения русского национального самосознания // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2015. № 2 (30).
23. Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Н. А. Бердяев: pro et contra: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 1994.
24. Федотов Г. П. Бердяев-мыслитель // Н. А. Бердяев: pro et contra: антология. СПб.: Издательство РХГИ, 1994.
25. Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956.
26. Щербаковский Г. З. Петр Бернгардович Струве. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2014.

Информация об авторах | Author information

RU

Усачева Юлия Сергеевна¹, к. ист. н.

¹ Императорский фарфоровый завод, г. Санкт-Петербург

EN

Iuliia Sergeevna Usacheva¹, PhD

¹ Imperial Porcelain Manufactory, St. Petersburg

¹ y.s.usacheva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2026; опубликовано online (published online): 19.08.2026.

Ключевые слова (keywords): самосознание русского народа; менталитет русского народа; интеллектуальная история России; православие как вера России; формирование характера русского народа; self-consciousness of the Russian people; mentality of the Russian people; intellectual history of Russia; Orthodoxy as the faith of Russia; formation of the Russian character.